

ДОПРОС А. Д. ПРОТОПОПОВА

14 апреля 1917 года

Содержание:

Прозвище Протопопова в Царском Селе — Калинин.

Обычай дворца называть приближенных прозвищами.

Прозвища давал Распутин.

Отношения Протопопова с Распутиным.

Объяснение Протопопова по поводу прошений, написанных им в заключении.

Протопопов и Балк в дни революции.

Дополнение по вопросу об отношении Протопопова к Перрену.

Благодарность корпусу жандармов за действия в дни революции.

Телеграмма Балку от государя.

Предупреждение Риттиха Протопопову относительно «рока» и влияние этих слов.

Председатель (обращаясь к Протопопову). — Сейчас у нас только один вопрос к вам. В ближайшем будущем мы зададим вам несколько вопросов, потому что здесь есть несколько новых обстоятельств, которые требуют ваших объяснений. Но сегодня один вопрос. Вы, может быть, не будете отрицать того, что в некоторых ваших сношениях там вы носили имя генерала Калинина?

Протопопов. — Калинина — да, но не генерала. Это было не в сношениях, а это прозвище было мне дано в Царском.

Председатель. — Кем?

Протопопов. — Затрудняюсь сказать, но думаю, что так меня прозвал Распутин.

Председатель. — Но вы говорите — в Царском. Распутин, хотя и имел отношение к Царскому, жил в Петрограде.

Протопопов. — Совершенно верно. Кто же мог меня звать Калининым? Это именно там, то-есть у Распутина, у Вырубовой или в придворных кругах.

Председатель. — Значит, и у Воейкова?

Протопопов. — У Воейкова? Не думаю. Может быть.

Председатель. — Зачем нужно было вашим знакомым или лицам, встречающимся с вами при дворе, называть вас не Александром Дмитриевичем, а генералом Калининым?

Протопопов. — Нет, господин председатель, генералом не называли, а просто Калининым. Это обычай такой был там: многих называли там тем или другим прозвищем.

Председатель. — Где? В Царском или у Распутина был этот обычай?

Протопопов. — Распутин ведь только являлся туда. Ну, быть может, и те, и другие прозвища выдумывал. Это он делал часто, а потом так и приклеивалось к человеку.

Председатель. — Вы не припомните, когда вас назвали этим именем?

Протопопов. — Решительно не знаю. Я узнал об этом только в самое последнее время.

Председатель. — Откуда вы это узнали?

Протопопов. — Не помню. Меня все так называли. Я это наверное знаю.

Председатель. — Вы говорите, что обычай таков был. Но каковы корни, каково происхождение этого обычая?

Протопопов. — Цели я не понимаю, не знаю, но обыкновенно так это делалось.

Председатель. — То-есть как обыкновенно?

Протопопов. — Так в разговоре называли.

Председатель. — В разговоре кого и с кем?

Протопопов. — И очень высоко даже.

Председатель. — То-есть?

Протопопов. — Я думаю, цари.

Председатель. — То-есть государь и бывшая государыня называли вас Калининым?

Протопопов. — Да.

Председатель. — Александр Дмитриевич, ведь дача прозвищ это также обычай тайных кружков. Это бывает принято в кругу людей, которые желают скрыть свои отношения.

Протопопов. — Тут, я думаю, не было такой цели. Нет, нет, думаю, нет.

Председатель. — Какая же другая цель могла быть?

Протопопов. — Мне кажется, просто такое остроумие, что-то такое в этом роде, шутка.

Председатель. — Но вы допускаете, что это прозвище дано было вам Распутиным?

Протопопов. — Да ведь Распутин всех постоянно называл, не меня одного.

Председатель. — Например?

Протопопов. — Я помню слово «Маленький», которое я слышал по отношению к одному из больших людей, к Юсупову.

Председатель. — К какому Юсупову, сыну, Феликсу?

Протопопов. — Они оба Феликсы.

Смиттен. — Сыну бывшего московского градоначальника?

Протопопов. — Да. А потом, я не припомню сейчас, но постоянно были прозвища. Например, «Хвост» — Хвостов.

Председатель. — Какой Хвостов? Алексей Николаевич?

Протопопов. — Да, Алексей Николаевич.

Председатель. — Ну, а Штюрмера не называл ли он «Стариком»?

Протопопов. — Не помню прозвища, но оно было.

Председатель. — А Белецкого?

Протопопов. — Тоже было, не помню, какое. Но ведь наверху его не знали.

Председатель. — Но Распутин его хорошо знал?

Протопопов. — Да.

Иванов. — С какого момента вы получили это прозвище? С момента назначения министром?

Протопопов. — Не знаю.

Иванов. — И по телефону вас так называли?

Протопопов. — Кто? Никогда.

Иванов. — Распутин.

Протопопов. — Распутин ни единого раза не звонил.

Иванов. — А вы к Распутину звонили?

Протопопов. — Нет, не звонил ни единого раза.

Иванов. — Вырубовой вы называли себя своей фамилией?

Протопопов. — Конечно. Ведь это была приклейка какая-то к человеку, прозвище...

Иванов. — Так что вы всегда под своей фамилией звонили по телефону Вырубовой?

Протопопов. — Всегда.

Председатель. — Когда вы узнали, что и при дворе, очень высоко, как вы говорите, и у Распутина существовал обычай давать прозвища?

Протопопов. — Я не могу сказать, чтобы это было у Распутина, потому что я в кружке Распутина не бывал. Как я вам сказал первый раз, я Распутина видел раз 15–16. Я долго думал, и положительно это так и есть. Вообще моя близость к Распутину в значительной мере преувеличена.

Председатель. — Вы это говорили уже. Но не можете ли вы припомнить, при каких обстоятельствах вам была дана кличка «Калинин»? И когда вы узнали, что вообще существует обычай давать клички?

Протопопов. — Это постепенно так вышло. Постепенно я увидел, что дают разные клички.

Председатель. — Увидели при встречах с кем?

Протопопов. — То с одним, то с другим.

Председатель. — То-есть с кем? С членами государственной думы?

Протопопов. — Нет.

Председатель. — Александр Дмитриевич, отвечайте же прямо. При встречах с кем, у кого?

Протопопов. — У Вырубовой. Сестра была в лазарете старшая.

Председатель. — В каком лазарете?

Протопопов. — В Царском.

Смиттен. — Сестра Воскобойникова?

Протопопов. — Да. Она мне сказала, что есть несколько кличек.

Председатель. — А при встречах с бывшей императрицей?

Протопопов. — Императрица меня звала Калининым. Это факт, я это знаю.

Председатель. — Почему вы знаете?

Протопопов. — Потому что она сама, улыбаясь, мне говорила.

Председатель. — Постарайтесь припомнить, в какой связи.

Протопопов. — Вырубова в записках называла меня Калининым.

Председатель. — В какой связи императрица вам сказала, улыбаясь, что вы носите кличку Калинина?

Протопопов. — Я не припомню, но я знаю, что она называла меня Калининым.

Иванов. — А у Вырубовой какая была кличка?

Протопопов. — Я хочу сказать — Аня, но не знаю, Аня или нет.

Иванов. — А дети Распутина как вас называли?

Протопопов. — Я у них никогда не бывал.

Председатель. — А у самой императрицы была какая-нибудь кличка?

Протопопов. — Ее называл Распутин мамой, это знали и другие лица. Точно так же, как государя — папой.

Председатель. — А кто назывался Саной?

Протопопов. — Сана? Не знаю.

Председатель. — Будем считать, что этот вопрос выяснен.

Протопопов. — Господин председатель, может быть, вы мне разрешите сказать по прошлому вопросу?

Председатель. — По какому вопросу?

Протопопов. — О Перрене.

Председатель. — Это то, что есть в вашем прошении?

Протопопов. — Я сегодня стал писать другое прошение.

Председатель. — Я получил одно прошение, где вы говорите о Перрене; затем, что вы сделали?

Протопопов. — Я подписал приказ по корпусу жандармов. Это верно. А кроме того я припомнил, что в день, кажется 25-го или 26-го... в день, когда, я 27-го пошел в государственную думу, а это было накануне... Было уже очень большое движение, революция была в разгаре... И вот мне, в Мариинский дворец, позвонил Балк и говорит, что он думает с частью конных городовых, которые остались, пробиться в Царское Село. Буквально он мне сказал — «пробиться».

Председатель. — Это было какого числа?

Протопопов. — Кажется, 26-го. Это было в то время, когда мы были в Мариинском дворце.

Иванов. — В тот день, когда вы ночевали в государственном контроле?

Протопопов. — Да, в контроле. А в день, когда я ушел, — это было 26-го, — мне позвонил Балк в Мариинский дворец и говорит, что он думает пробиться. Я говорю: «А командующий войсками где? Отчего вы его не спросите?» Он сказал, что не может его найти. Тогда я ему посоветовал, — ведь я совершенно не был причастен к этим бывшим распоряжениям, — посоветовал так: «Как же вы, градоначальник, думаете уйти из Петрограда? Что же это такое будет?» Я посоветовал остаться. Он тогда сказал: «Я остаюсь».

Председатель. — Вот этот инцидент вы и хотели рассказать?

Протопопов. — Вот это я и хотел дополнить. А потом относительно Перрена: все отношения, которые у меня с ним были, они остались письменно, они должны существовать в тех письмах, которые я от него получал. В первом письме он мне написал... думается мне, что это в первом письме есть такое выражение: «С первого раза, как я вас увидел...» Он написал по-английски, а так как я затруднялся писать по-английски, то это письмо перевели в канцелярии, и в канцелярии оно должно быть.

Председатель. — В какой канцелярии?

Протопопов. — Министерства внутренних дел. Полный перевод, потому что у меня был русский перевод.

Председатель. — В каком же деле это может быть?

Протопопов. — Надо спросить Писаренкова. Он это помнит несомненно. Он составил ответ, который я послал Перрену. В первом письме он мне пишет: «Первый раз, как я вас видел». Отсюда ясно видно, что этого человека я не знал. Совершенно ясно! Он мне преподносил страшно хвалебные вещи; необыкновенные.

Председатель. — То-есть по вашему адресу?

Протопопов. — Дифирамбы мне говорил. Затем говорил, что моя планета — Юпитер, которая проходит под Сатурном, и разные гороскопические вещи. Это меня всегда трогало. Предсказания эти были всегда верные. И потом он предсказывал разные великие блага. А затем пишет, что это не есть какое-нибудь шарлатанство, а настоящая наука, и что он может мне действительно передать известную часть силы.

Председатель. — Александр Дмитриевич, может быть, мы подробности извлечем из писем, о которых вы говорите. Мы постараемся найти их, так как они служат вашим оправданием. Тогда мы вам их предъявим.

Протопопов. — Я буду очень благодарен. Все мои письма и телеграммы есть. И это все. Вы мне поставили вопрос, господин председатель, как я мог сноситься с человеком, который является, может быть, тайным врагом моего отечества. Это, действительно, меня задело, потому что если на мне много грехов, много в жизни зла я сделал, то этого зла не делал.

Председатель. — Александр Дмитриевич, ваша просьба направлена к выяснению вопроса, а это совершенно совпадает с интересами Комиссии — выяснить вопрос.

Протопопов. — Разрешите мне еще одно слово сказать. Когда я получал эти письма и отвечал, то, действительно, я тогда не знал, что в чем бы то ни было был замешан Перрен. И потом только я узнал это, через месяц после первого письма, когда он хотел приехать из Стокгольма и обратился ко мне с просьбой помочь ему. Тогда я сказал Васильеву: «Помогите ему приехать». Васильев тогда поехал в генеральный штаб, вернулся оттуда и говорит: «Там возражали, там есть обстоятельства по военному времени». Он мне сказал так мягко, что я не понял. Я себя проверял: у меня чувства гадливости и чувства опасения не получалось, вот почему я ему ответил. Васильев мне сказал слишком мягко. Он сказал: «Нет, это лучше оставить». Я понял так, что, может быть, это пустяки какие-нибудь.

Председатель. — Мне кажется, что одну деталь вашей мысли я уловил, а именно, что тон вашей телеграммы был вызван не только вашей обычной мягкой манерой обращаться к людям, но и мягкостью доклада Васильева. Так я вас понял?

Протопопов. — Да, господин председатель, совершенно определенно я это говорю.

Председатель. — Скажите, при чем же тут Куколь? В каком отношении он стоит к тем русским переводам писем Перрена, о которых вы пишете, что они лежали у вас на столе?

Протопопов. — Я показывал их ему.

Председатель. — Показывали Куколю? Почему?

Протопопов. — Показывал Куколю-Яснопольскому, потому что я ужасно интересовался совпадениями дней.

Председатель. — Какими совпадениями?

Протопопов. — Например, там сказано: 14, 15 и 16-го. Это есть открытие государственной думы. Это очень серьезные числа.

Председатель. — С чем же это совпадало?

Протопопов. — С числами, которые он писал. Он мне писал, что в такие-то дни мне нужно быть осторожным.

Иванов. — Это было пророчество?

Протопопов. — Именно пророчество. Удивительные совпадения.

Председатель. — Мы к этому вернемся, когда у нас будут письма.

Протопопов. — Васильеву я тоже говорил про Перрена, что несомненно; я не точно помню, но это несомненно.

Председатель. — Чтобы исчерпать ваше прошение, расскажите вкратце о вашем заявлении касательно приказа начальника корпуса жандармов.

Протопопов. — Это было так: у меня был начальник корпуса жандармов Николаенко...

Председатель. — Когда это было?

Протопопов. — Это было 24-го или 23-го февраля.

Председатель. — Вы пишете в вашем прошении, что после 23-го или 24-го.

Протопопов. — Это верно. 23-го — это был первый день.

Председатель. — Значит, после того, как был у вас Николаенко, — а это было 23-го или 24-го...

Протопопов. — Это было после 23-го.

Председатель. — Вы подписали приказ, составленный в штабе корпуса жандармов?

Протопопов. — Где, вследствие тех потерь, которые случились в корпусе жандармов...

Председатель. — Когда?

Протопопов. — Кажется, 24-го.

Председатель. — Вследствие тех потерь, которые понес корпус жандармов во время событий?...

Протопопов. — Я подписал приказ. Содержание его есть благодарность и мое обещание доложить царю о том, как они себя вели.

Председатель. — Почему вы нашли нужным сообщить об этом Комиссии?

Протопопов. — Потому что я все время думал о том, какие распоряжения я в то время давал. Буквально никаких не давал. И затем еще с генералом Балком был разговор. Еще одно мое распоряжение, это — когда 25-го решено было закрыть... прервать занятия Государственной Думы. Тогда я поехал в градоначальство, помнится, для того, чтобы передать это командующему войсками.

Председатель. — Вы поехали, когда что именно произошло?

Протопопов. — Когда было решено прервать занятия государственной думы. Меры охранительные всегда принимаются, и вот я поехал туда, чтобы ему сказать... Тогда командующий войсками сказал мне, что он получил телеграмму от государя, в которой было изложено, что нужно подавить или, как сказано, остановить это движение, эти недопустимые волнения во время войны. Он получил и мне показал эту телеграмму.

Председатель. — Вы читали сами эту телеграмму?

Протопопов. — Читал.

Председатель. — Там были такие слова: «Повелеваю завтра же восстановить спокойствие в столице».

Протопопов. — Нет, не так.

Председатель. — А как?

Протопопов. — Повелеваю — это слово было... недопустимые беспорядки во время войны. Вот так я помню.

Председатель. — Александр Дмитриевич, нам в Комиссию передана господином комендантом крепости черновая тетрадь с вашей рукописью. Это ваши заметки о первых днях. Вы подтверждаете правильность того, что там написано?

Протопопов. — Безусловно. Я очень искренно писал все, что там было.

Председатель. — Александр Дмитриевич, так в ближайшие дни мы вас опять допросим, потому что явился целый ряд обстоятельств, которые нужно выяснить при помощи ваших объяснений.

Протопопов. — Слушаюсь, господин председатель. Я только об одном прошу... Я чувствую страшную тяжесть того дела, которое я на себя принял. Я сделался, не желая того, сделался каким-то чудовищем. И не скажу, чтобы я не делал таких вещей, которые заслуживали большого порицания. Но есть вещи, которых я не делал. Я злой воли не имел. Вот эта перреновская история — я определенно отрицаю ее, определенно, господин председатель. Еще скажу одну вещь. Быть может, я слишком несчастный сам, чтобы теперь людей винить, но я всегда был, насколько можно, религиозный человек, теперь же больше, чем прежде. Я могу присягу на кресте и евангелии принять, что говорю правду. Может быть, были дурные чувства ко мне со стороны разведки... Может быть, я их не виню...

Председатель. — Что это значит: дурные чувства?

Протопопов. — Дурные чувства, потому что меня безусловно ловили. Чего проще — прийти и сказать: «Что это такое? Вы послали телеграмму?» Это так просто. «Вот письмо, почему оно?» Это так просто. Ведь, когда я писал, я не думал о том...

Председатель. — Вы не припомните ли в связи с этим одного обстоятельства: когда вы имели доклад товарища министра по этому поводу?

Протопопов. — Положительно отрицаю.

Председатель. — Товарища министра Степанова...

Протопопов. — Степанова — нет! Про Мануйлова — да. Степанову я верил. Но мне никто не говорил. Если бы кто-нибудь сказал, я понял бы, что это опасно. Я шел прямо, интересуясь этими числами, я к этому возвращался — по числам. Потом, разрешите мне сказать: какая же могла быть цель? Какая цель? Я ведь никому вреда этим не сделал.

Председатель. — Вы о чем говорите?

Протопопов. — О том, что я получал от него письма. Они на-лицо. Вы посмотрите. Я посылал телеграмму, но посмотрите, что там написано. Ничего! Если плохо немного... Хотя бы это *ultérieurement!*— Ведь это значит: после войны. Я сразу не понял, это не мое выражение, оно поставлено канцелярией. Когда вы меня спросили, я не понял. *Ultérieurement* — это значит: когда война кончится, тогда это и будет...

Председатель. — Я бы думал, что нам не следует на этом обстоятельстве останавливаться. Мы разъясним это, когда у нас будут письма. На то, что вы говорите, я должен сказать, во-первых, что никакой присяги с целованием креста и евангелия в подтверждение правдивости ваших слов не требуется: она недопустима, а во-вторых, вы можете быть уверены, что все обстоятельства вашего дела и в особенности те, которые вы указываете, будут Комиссией исследованы и проверены. Вы должны быть поэтому совершенно спокойны.

Протопопов. — Я могу одно сказать: я третий раз допрашиваюсь, я глубоко чувствую, насколько вы ищете правду.

Председатель. — Вы чувствуете?

Протопопов. — Я чувствую и с радостью это скажу. Но есть одна правда, которая меня убила: это то, что я сказал в одном заявлении относительно изъятия писем. Это — распоряжение, которое я сделал. Я это сделал, а теперь спрашиваю, почему я это сделал? Зачем я сделал такую выемку, когда можно было положить в шкаф и достигнуть того же. Но я просто думал, что это клочки бумажек, которые никому не нужны.

Председатель. — Как вы не справились с законностью, прежде всего, как вы, министр внутренних дел, не поставили себе вопроса: «А правильно ли я это сделал? Мало ли, что мне этого хочется, мне, министру внутренних дел, или некоторым другим лицам»...

Протопопов. — Определенно говорю, что я в этом глубоко виноват.

Председатель. — Позвольте вам сказать: ведь вы связали свое имя с колоссальными событиями в России, и если они нас волнуют, как граждан, это невольно сказывается при допросе. Но вы можете быть уверены, что по существу это наше волнение нисколько не скажется, и мы останемся в известном...

Протопопов. — Это я чувствую, господин председатель, всей душой я чувствую благожелательное отношение.

Председатель. — Этого вы не имеете основания сказать. Тут есть то отношение, которое испытывает каждый человек, поставивший себе задачей отыскание истины. И мы, конечно, ее установим.

Протопопов. — Вы понимаете, господин председатель, мне хочется вам сказать, что я чувствую тот грозный рок, про который мне сказал Риттих. Он раз сказал мне в совете министров: «Знаете, опасайтесь, на вас глядит то, чего опасались римляне: на вас глядит рок».

Председатель. — Когда он вам это сказал?

Протопопов. — Он сказал это недели за 3—2½ до конца.

Председатель. — А вам не представляется, что в вашем рассказе, занесенном в вашу тетрадочку, о ваших скитаниях в дни революции, отразилась мысль Риттиха, что некоторый рок над вами тяготел?

Протопопов. — Я чувствовал это. Возьмите несчастного Перрена... это пустяк, а между тем выходит, что решается жизнь человека. Я не боюсь решить свою жизнь, вы это понимаете, но я говорю, как странно! Действительно, рок, действительно, рок! Ну что в этом, какая важность: гадалщик, которым я интересуюсь, а это играет роль...

Председатель. — Это мы условились установить, когда перед нами будут письма.